

**Государственный Эрмитаж**



**ОРУЖЕЙНЫЙ  
СЕМИНАР**

**Заседание  
17 ноября 2016 года  
в 14.00  
в Зале Совета  
Государственного Эрмитажа**

## **ОБ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ВООРУЖЕНИЯ. ЗАМЕТКИ И РАЗМЫШЛЕНИЯ**

Русское оружейведение имеет точную дату рождения – 1808 год. Именно тогда недалеко от Юрьева-Польского, там, где некогда происходила Липецкая битва, крестьянка А. Ларионова, «находясь в кустарнике для щипания орехов, усмотрела близ орехового куста в кочке что-то светящееся». То были сложенные вместе шлем и кольчуга. Находки были сданы сельскому старосте, от него попали к священнику и в конце концов дошли до Александра I. По поручению царя вещи изучил и в 1832 году издал президент Академии художеств А. Н. Оленин; он же соотнес их с князем Ярославом Всеволодовичем, бросившим свои доспехи во время бегства с поля битвы в 1216 году. Эта атрибуция не устарела до сих пор и дала толчок к становлению тогда новой науки – исторического оружейведения.

Изучение старинного вооружения в России представлено серьезными научными трудами А. В. Висковатова, А. Ф. Вельтмана, П. И. Савватова, Ф. Жия, Н. Е. Бранденбурга, Э. Э. Ленца (этот перечень можно продолжить). Оценка этих и других сочинений – специальная задача. В настоящем сообщении ограничимся темами, связанными с изучением военных древностей первых веков русской истории. Здесь специально хотелось бы остановиться на судьбе и творчестве ученого-оружиеведа В. В. Арендта.

Всеволод Викторович Арендт, историк оружия и военного дела, оставил заметный след в науке. Расстрел в 1937 году перечеркнул всю его деятельность. Его имя оказалось забытым. Теперь по отрывочным данным можно воссоздать биографию этого незаурядного человека. Некоторые подробности удалось почерпнуть из анкеты ученого, сохранившейся в архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, следственного дела, обнаруженного в архиве Федеральной службы безопасности по Санкт-Петербургу.

В. В. Арендт родился в Москве 27 февраля 1887 года. Его дворянский род восходит к далеким немецким предкам, жившим в XII веке. Что касалось В. В. Арендта, то в документах советского времени он записан русским. Мать его была русской, а отец – поляком.

В 1906–1908 годах молодой дворянин учился на Юридическом факультете Университета в Тулузе во Франции, а в 1909–1910 годах был

слушателем Московского археологического института. Как стипендиат этого института В. В. Арендт в 1911 году находился в заграничной командировке – занимался в музеях Вены и Парижа. Его военная служба юнкером началась в 1908 году. Во время Первой мировой войны В. В. Арендт был боевым офицером. В 1915 году он командовал эскадрой Первого Лейб-Драгунского Московского имени императора Петра Великого полка. В октябре 1917 года В. В. Арендт в чине штабс-ротмистра был уволен из армии «по болезни и контузии». Из этого ясно, что он участвовал во фронтовых операциях и ушел из армии, случайно или нет, в дни большевистского переворота.

В дальнейшем в 1918–1923 годах бывший драгун служит в Красной армии, ведет преподавательскую работу, консультирует учебу кавалеристов, работает в Главном управлении коннозаводства.

В 1926–1933 годах В. В. Арендт работал в Государственном историческом музее в Москве (консультант, заведующий отделом). С переездом в Ленинград он более обстоятельно начинает заниматься научной работой. С 1935 года он числился старшим научным сотрудником, затем ученым секретарем Артиллерийского исторического музея. 1 октября 1937 года ему присвоили звание профессора Государственного музея этнографии, а на следующий день арестовали. В жизни ученого этот арест был четвертым по счету<sup>1</sup>. Через два с половиной месяца В. В. Арендта не стало. Его жена Евдокия Ивановна Кожевникова и пасынок погибли в годы блокады Ленинграда. Семейные документы и большая часть библиотеки, видимо, не сохранились. Лишь некоторые книги с экслибрисом Арендта я видел в библиотеке Эрмитажа с надорванными корешками.

О творчестве ученого можно судить по его публикациям. Знание военного дела и военной археологии, а также иностранных языков способствовали тому, что в 1920-х – 1930-х годах Всеволод Викторович взялся за изучение отдельных видов преимущественно средневекового вооружения: мечей, сабель, шлемов, пушек. Оружие он хорошо знал, свободно разбирался в тонкостях его устройства, авторские рисунки и реконструкции всегда профессиональны. Предметы военной старины рассматривались В. В. Арендтом в контексте европейского исторического оружейоведения. В своем творчестве он успешно объединил обстоятельное музейное вещеведение начала XX века с современными ему международными познаниями в области истории военного искусства. Предметы военной техники оценивались и квалифицировались с общеевропейских исследовательских позиций и сами приобретали эталонную

известность. Это стимулировало изучение собранных в изобилии, но неизвестных в публикациях редкостей наших музеев. Российское оружиеведение трудами В. В. Арендта стало выходить на передовой общемировой научный уровень. Широкое знание литературы вопроса и музейных собраний позволило В. В. Арендту печататься не только в СССР, но и в Германии. Он являлся иностранным членом немецкого Общества исторического оружиеведения и активно сотрудничал в его журнале «Zeitschrift für historische Waffen und Kostümkunde». Также был членом Академии Тулузы во Франции.

В работах В. В. Арендта встречались ошибки в основном общеисторического плана, например, он утверждал, что древнерусские мечи принадлежали исключительно пришельцам-варягам. Да, варяги на Руси торговали мечами, но не были их монопольными владельцами.

В 1930-х годах Всеволод Викторович плодотворно занимался техникой клинкового производства и впервые открыл мечи с «накладным Дамаском». Его статья о греческом огне претендует на лучшее понимание этого запутанного вопроса в европейской науке. В. В. Арендт первым разработал методику измерения сабельных клинков, ныне принятую специалистами. По его инициативе началось изучение отечественных и зарубежных пушек, включая редкие образцы корабельной артиллерии. Он впервые опознал и опубликовал пистолетные стволы из собрания Государственного исторического музея в Москве, оказавшиеся древнейшими в Европе.

По отзыву авторитетных ученых-современников В. В. Арендта – А. В. Арциховского, А. П. Смирнова, Г. А. Новицкого, написанному в 1934 году, «он является крупнейшим в СССР специалистом по истории оружия и автором нескольких десятков (более сорока. – А. К.) печатных работ, где разрешил ряд вопросов, относящихся к оружию сарматскому, тюркскому, новгородскому, московскому». В. В. Арендт был, несомненно, одаренным человеком и в изучении отдельных видов средневекового оружия достиг, может быть, большего, чем его предшественники. Жизнь и творчество ученого были оборваны на взлете в зловещем 1937 году. Эти трагические дни можно представить по его следственному делу, насчитывающему 46 листов.

3 октября 1937 года арестованному днем раньше В. В. Арендту было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности (по статье 58 УК), что он первоначально отрицал. Ученый обменивался письмами с зарубежными коллегами, музеями и издательствами. Одно это в те годы могло показаться подозрительным. Однако о международных

связях, равно как и о научных изысканиях, в деле нет ни слова. Очевидно, программа дознания была иной.

Вызванный на допрос 11 октября В. В. Арендт уже не отрицал «своей вины», а признал, как записано в следственном деле, что в кругу знакомых «высказывал антисоветские взгляды». Он и его «единомышленники» (в деле названы два археолога, этнограф и архивный работник) «осуждали политическую линию ВКП(б) и Советского правительства с контрреволюционных позиций». Подпись под текстом допроса выведена неверной рукой и подчищена. Дознание явно велось с пристрастием. При его чтении обращает внимание поразительное обстоятельство. Документ раскладывается на оговор и очевидную правду, по-видимому, затененную при жизни на свободе или даже не очень скрывавшуюся. Всеволод Викторович со смелостью обреченного высказал своим мучителям то, что, скорее всего, давно разделял. Он сказал: «Главный вопрос, который нас всех волновал и который мы часто обсуждали, это положение интеллигенции в советских условиях. В данном вопросе мы единодушно сходились на том, что интеллигенция в СССР находится в политически бесправном положении. В процессе своих суждений мы утверждали, что в Советском Союзе осуществляется жесткая диктатура партийной верхушки, подавляющая всякую свободу мысли особенно в среде интеллигенции, лишенной права высказывания своих убеждений и симпатий тому или другому политическому строю. <...> В стране осуществляется резкий нажим на все слои населения, от которого, с нашей точки зрения, больше всего страдает интеллигенция. В области экономики мы резко осуждали политику коллективизации сельского хозяйства как враждебную, проводившуюся насильственным путем и уничтожившую, с нашей точки зрения, стимул развития сельского хозяйства. Мы говорили о том, что советская власть применяет на строительстве рабский труд, имея в виду строительство каналов. Лично я утверждал, что вся страна сейчас замучена, находится в подавленном состоянии».

Приведенные слова провидческие, звучат как суровое обвинение. История подтвердила их справедливость. Сказаны они, безусловно, без подсказки, искренне, честно, для своего времени с захватывающей смелостью. В 1937 году подобное выступление квалифицировалось как тягчайшее преступление. Все равно, что подписать самому себе смертный приговор. Неслучайно, что допрос завершился стандартной, видимо, наговоренной следователями фразой: «Все наши суждения имели одну цель – показать необходимость борьбы против Советской власти, за ее свержение и восстановление в СССР капиталистического строя».

Одного признания арестованного в «антисоветских» разговорах его с товарищами следователям показалось недостаточно, и они 17 ноября в последний раз допросили В. В. Арендта. Тот, понимая, конечно, безвыходность своего положения, в ответ на вопрос о намерении использовать индивидуальный террор, ответил, что «терракты дадут реальные результаты». Каких-либо сведений о конкретных «подрывных» действиях кружка Арендта в деле, как и следовало ожидать, нет.

В ходе следствия был допрошен единственный свидетель. Им оказалась научная сотрудница Эрмитажа, известный археолог. 25 ноября 1937 года она сообщила, что знает В. В. Арендта с 1928–1929 годов. Он, будучи музейным работником «очень низкой квалификации», в разговорах «клеветнически заявлял, что интеллигенция в СССР не имеет политических прав и устранена от участия в руководстве политической жизнью страны»; говорил, что «вся страна терроризирована, никто не может сказать свободно о своих политических убеждениях, <...> клеветал на действия органов НКВД, заявляя, что проводятся массовые репрессии, что сажают людей без основания». Допрос заключают слова о том, что «все суждения Арендта содержали в себе резкую злобу и ненависть к Советскому строю, ко всем мероприятиям ВКП(б) и Советского правительства».

В 1962 году при проверке дела В. В. Арендта ту же свидетельницу вновь попросили рассказать о ее знакомом и записали нечто противоположное прежним показаниям. Оказалось, что Всеволод Викторович был очень «увлечен своей специальностью. <...> Взаимоотношения с ним были хорошие, насколько помню, антисоветских и антипартийных взглядов я от него не слышала». Когда же свидетельнице напомнили о ее показаниях 1937 года и дали их прочитать, то, по словам допрашиваемой, оказалось, что ее первоначальные показания «не соответствуют действительности», а были даны «под принуждением». (Я не хочу раскрывать имени этой женщины по этическим соображениям – А. К.)

Возвратимся к основному сюжету. 26 ноября 1937 года следствие по делу В. В. Арендта было закончено. Обвинение гласило, что он «входил в антисоветскую группу и участвовал в обсуждении политической линии ВКП(б) и мероприятий Советского правительства с контрреволюционных позиций, является сторонником террористических методов борьбы против Советской власти». 14 декабря В. В. Арендт по приговору особой тройки был расстрелян. Ему было тогда 50 лет.

Утверждение следствия о существовании антисоветской группы стало разваливаться уже в период, когда по делу Арендта в конце 1937 года

привлекли названных в нем людей. Осужденный как член упомянутой группы заведующий архивом Артиллерийского исторического музея И. Д. Тубянский в жалобе, написанной в лагере в 1940 году, пояснил, что «с Арендтом у меня были лишь нормальные служебные отношения и некоторое уважение к нему как незаурядному специалисту в области военной археологии». Что же касалось обвинения в групповой антисоветской деятельности, то оно «неправильно и необоснованно», а признание добывалось таким путем: «На мое категорическое отрицание (вины) следователь Михайлов поставил меня на „стойку“ и с применением избиений собственных и с помощью других сотрудников отдела. Так как я все же не мог сообщить ему ничего подходящего, то через сутки непрерывного допроса (следователь) заявил, что будет меня разоблачать». Жалоба не помогла. В 1942 году Тубянский умер в Онегалаге.

В 1962 году по запросу заведующего Ленинградским отделением Института археологии АН СССР профессора Б. Б. Пиотровского дело В. В. Арендта было пересмотрено, и при этом выяснилось, что никакой антисоветской группы не существовало, и все дело было сфальсифицировано. По протесту прокурора г. Ленинграда Президиум Ленгорсуда дело прекратил 25 декабря 1962 года. В. В. Арендт был посмертно реабилитирован<sup>2</sup>.

Ныне неожиданно открылись новые подробности трагической судьбы ученого. В Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи сохранился исходный документ – донос. Он поражает примитивностью обвинений и почти истерическим поиском образа врага. Приведем лишь одну выдержку. Автор доноса, коллега Арендта по работе П. В. Львовский, пишет следующее: «Нам был зачитан пункт приказа Наркома Оборона о назначении начальником Артиллерийского управления комкора т. Кулика вместо комкора т. Ефимова. Узнал об этом и Арендт. Спустя четверть часа после получения этой новости, подходит к моему служебному столу и таинственно опустившись на стул, шепчет мне: „Как вы смотрите на все эти перемены? А я так думаю, что хороших, умных людей убирают с дороги, а назначают одних только...“, при этом Арендт поднялся со стула, вытянулся передо мной, руки по швам, и изобразил из себя такую, дескать, безропотно покорную, глуповатую фигуру, которая остается после насильственного удаления и уничтожения умных, дельных людей, фигуру, готовую слепо и безотчетно подчиняться теперешнему режиму. Эту последнюю выходку Арендта я оценил как наглую вылазку классового врага антисоветски настроенного и вредно влияющего на те „интеллигентные“ круги, в которых он

пользуется авторитетом. Полагаю, что дальнейшее пребывание Арендта в наших рядах недопустимо, а его выходки, как политического врага нашей Родины, должны повлечь за собой принятие, кроме того, и более решительных мер государственной безопасности». Донос был подан 7 июня 1937 года, арест последовал 2 октября, казнь – 14 декабря.

Здесь нельзя не добавить, что начальник музея, ознакомившись с доносом, не побоялся сообщить «по инстанции», что «Арендт проявил себя как знающий, вполне лояльный специалист и во многом содействовал в работе по реконструкции музея, особенно экспозиционных работах, за что имел две благодарности музею и был премирован начальником Артиллерийского управления РККА (комкор Ефимов) в текущем году (то есть 1937. – А. К.) месячным окладом». Эти положительные слова следствием учтены не были. Но вернемся к дальнейшему повествованию.

В 1920-х – 1930-х годах фактически сошли на нет серьезные исследования старинного оружия. Беспощадно уничтожались многие памятники русской боевой славы – храмы, памятники воинам и полководцам, триумфальные ворота, мемориальные доски.

В отношении военного наследия советская власть, если так можно выразиться, «вела стрельбу по своим». Приведу такие примеры. В период борьбы с космополитизмом из Артиллерийского исторического музея были сданы на переплавку редчайшие бронзовые иностранные орудия.

Глубокий знаток музейных собраний Государственного исторического музея и архивной письменности М. М. Денисова написала труд «Вооружение русской конницы XIV–XVII вв.». Но рукопись не увидела свет, так как, по мнению рецензента, в ней «не было марксизма». Бабушка русской артиллерии (как ее называли) – А. П. Лебедянская всю жизнь занималась деятельностью Пушкарского приказа XVII века. Свои наблюдения она изложила в нескольких томах по истории Артиллерийского музея, честно отметив многочисленные утраты музейных экспонатов вследствие идеологических чисток. Цитировались «акты о списании». Стоит ли говорить, что сочинения Александры Петровны долгое время оставались неизданными.

На волне классовой ненависти были разгромлены музеи прославленных полков царской армии. Их экспонаты раздавались в реквизиторские кладовые Госфильма, костюмерные театров. Здесь встречались неожиданности. В 1936 году в Королевский музей армии и военной истории в Брюсселе поступило невиданное количество предметов русской военной старины, принадлежавших музеям Лейб-Гвардии Казачьего



и Уланского полков. Эти вещи были чудом спасены в годы Октябрьского переворота, вывезены на Дон, затем через Стамбул в Париж, наконец оказались в Брюсселе. Увидев это богатство, хранитель брюссельского Королевского музея армии и военной истории воскликнул: «Это ковчег боевых подвигов огромной страны». Только в 1990-х годах стало известно о существовании увезенных воинских раритетов. После долгих лет умолчания один из представителей русской эмиграции Н. Белявский по собственной инициативе приступил к описанию этой уцелевшей коллекции.

Многие военные события недавнего прошлого замалчивались или осуждались. Лишь в годы Великой Отечественной войны власти всенародно вспомнили о великих русских полководцах и их сражениях, но это было только частью поправленной исторической правды.

Времена искажения и недооценки военного прошлого России ныне ушли в прошлое, преодолевается отставание исторического оружейведения, что особенно наглядно выступало при сопоставлении его с состоянием этой дисциплины в Центральной и Западной Европе. Огромные богатства, накопленные в наших музеях, в научном плане долгое время были слабо известны и лишь в последние десятилетия стали, хотя еще отрывочно и неравномерно, систематически изучаться.

Положительным фактором исхода XX века явился приток в оружейведение молодых сил и расширение фронта исследований. В этом отношении выдвинулись Санкт-Петербург, Москва, Киев, Новосибирск, ряд региональных центров. Учреждены и работают при Институте истории материальной культуры РАН и Государственном историческом музее, а ныне и в Эрмитаже научные семинары по военной археологии. Регулярно стали созываться военно-исторические конференции и симпозиумы, печатаются серьезные работы. По истории вооружения Древней Руси подготавливаются обобщающие работы и диссертации. Назову лишь некоторых перспективных авторов: О. Двуреченский (ныне кандидат исторических наук, автор книги «Холодное оружие Московского государства XV–XVII вв.»), Д. Коровкин, С. Каинов, П. Васин. Выдвинулось новое поколение авторитетных историков вооружения, таких как С. В. Ефимов, А. Н. Кулинский, М. В. Горелик. Плодотворна деятельность Л. К. Маковской. В Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи успешно проходят масштабные конференции «Война и оружие».

Новым явлением нашего времени стало повсеместное создание военно-патриотических клубов и групп реконструкторов тактики

старинных боев и достоверно воссозданного вооружения и амуниции исторической России и ее соседей. Одним из лучших стоит упомянуть военно-исторический клуб «Княжеская дружина» в Санкт-Петербурге (руководитель П. А. Васин). Отечественные клубы и объединения с успехом выступают в разных странах. Это ширящееся молодежное движение, которому должно помогать государство.

Вещественные, письменные, изобразительные источники военно-исторической науки поистине неисчерпаемы. Эти ценности сосредоточены в музеях, библиотеках, архивах, частных собраниях, частью обнародованы в публикациях. За исключением Оружейной палаты Московского Кремля, редких уцелевших семейных и монастырских собраний, у нас, за редким исключением, не сохранились арсеналы крепостей и владельческих родов. Зато обильна находками военная археология. Одними из первых на исключительное богатство вооружения, относящегося к первым векам русской истории, обратил внимание А. В. Арциховский в работе «Русское оружие XIII века», изданной в 1946 году, и Б. А. Рыбаков в книге «Ремесло древней Руси», опубликованной в 1948 году. В дальнейшем археологи-слависты подтвердили и развили эти наблюдения. Перелом в изучении вооружения и снаряжения коня и всадника первых веков русской истории осуществил Институт истории материальной культуры РАН<sup>3</sup>. Удалось собрать сведения, классифицировать, датировать, проследить распространение и использование свыше 8000 предметов военной техники IX–XV веков, происходящих из примерно 1300 погребений и 120 городов и поселений, расположенных на территории Древней Руси. Материал отбирался независимо от его социальной и этнической принадлежности. Его анализ с привлечением письменных и изобразительных источников позволил представить тактику боя, вооружение конницы и пехоты, судить об этапах развития военного дела и влияния на него восточных и западных соседей. Сопоставление комплексов с вооружением позволило определить, что для наиболее показательного периода IX–XI веков количество погребений с оружием составляло от 8 до 18 % по отношению к общему числу захоронений. Это с большой долей вероятности определяет мобилизационные возможности тогдашнего общества. В то же время погребения с вооружением, имея в виду его состав, далеко не полностью были адекватны реальному оснащению воина. Например, по обрядовым особенностям во многих случаях не требовалось наделять умершего шлемом, кольчугой, другими частями доспеха. Эти предметы, а также мечи, зачастую находились лишь в богатых

захоронениях, но это не означало их скудость в войске, как у конников, так и пехотинцев.

Результаты по изучению древнерусского вооружения с учетом всей их многоплановости и трудоемкости удалось в завершённом виде полностью опубликовать в 1966–1976 годах в серии «Свод археологических источников» и других изданиях. Эти публикации подытожили все накопленные военной археологией материалы и способствовали развороту последующих изысканий, а также в определенной мере ускорили создание движения реконструкторов, предоставив их участникам надежные достоверные данные.

Древнерусское вооружение в рамках IX–XV веков исследовано опережающими темпами в максимальном для своего времени объеме. Появившиеся позже новые находки не отменили созданных классификаций оружия и конского снаряжения, однако расширили и в чем-то уточнили источниковедческую базу исследований. Теперь мы знаем об эволюции боевых средств Руси эпохи раннего Средневековья сравнительно больше, чем для других периодов. В дальнейшем, конечно, эта неравномерность будет преодолена, хотя количество находок зрелого и позднего Средневековья вряд ли значительно перекроет число уже зафиксированных более ранних.

Международным достижением отечественного оружейведения было фактически полное обоснование новооткрытой отрасли знания – клинковой эпиграфики. Здесь мы лидируем среди других европейских стран. К настоящему времени в музеях России, Украины, Белоруссии, а также Чехии, Польши, Норвегии, Швеции, Дании и Финляндии обследовано свыше 400 мечей IX–XIV веков и на всех по большей части впервые выявлены ранее неизвестные надписи и знаки – в большинстве ремесленные клейма. Впервые на клинковом оружии X – начала XI века обнаружены русские надписи с именами ремесленников. Таковыми оказались «Людота (или «Лидоша») Коваль» и «Слав...» (повреждено). Речь идет о мечедельцах, работавших, скорее всего, в Киеве во второй половине X – начале XI века. После Каролингской империи Русь стала второй страной в Европе, где выпускались мечи, клейменные на своем языке.

В 2000 и 2005 годах совместно с А. И. Саксой и Л. Томантера впервые изучены 36 целых карельских средневековых мечей и их деталей, находящихся в Национальном музее Финляндии.

Здесь уместно подчеркнуть, что обследование восточно-европейского и конкретно древнерусского вооружения имеет интернациональное

значение. Ряд наших находок по их дате выступает более ранними, чем такие же в других странах Европы, например, шпоры с колесиком.

Воинские вещи из курганов Украины, относящиеся к XII–XIII векам, позволяют обнаружить новые тенденции в развитии доспеха не только на Руси, но и в некоторых других европейских и азиатских странах, где отсутствуют находки этого периода или их мало.

Взросший общественный и научный интерес к военным древностям, к сожалению, не обходится без издержек. Наряду с серьезными работами нередко безапелляционные, дилетантские, некомпетентные выступления, плагиат, некритические атрибуции, например, коса выдается за скрамасакс, а подлинный меч – за позднюю реплику. В угоду модному нигилизму прямо или косвенно высказываются мнения о геополитически predetermined военной несамостоятельности Руси и подчиненности развития ее боевой техники одним внешним влияниям со стороны норманнов, венгров, хазар, степных кочевников, монголов. В истории России воздействия Востока и Запада на ее культуру имели важное значение, что, однако, не отменяло собственного творчества и выработки национальных форм оружия, происходившего в сложных условиях борьбы русских земель на два фронта с западным и восточным противником. Учтем при этом, что изучение военного дела древности может охватывать евразийское пространство, но результативно при условии преодоления прямых и завуалированных националистических оценок и русофобских и антиславянских рассуждений. Технический мир предстает как громадная, в то же время во многом единая лаборатория новаций и усовершенствований, внесенных отдельными центрами, нахождение которых в ряде случаев еще требует разысканий.

Угрозой нормальному состоянию военной археологии, да и шире – сбережению всего отечественного культурного наследия, стало повсеместное безнаказанное разграбление так называемыми черными археологами древних погребений и поселений с целью добычи археологических предметов, включая вооружение, и торговли ими.

Обнаруженные варварскими раскопками, часто с помощью металлоискателей, коллекции находок продаются и нередко уходят за рубеж. Среди этих «рыночных вещей» встречаются подлинные шедевры, например, редкие для эпохи становления Русской державы золоченые шлемы. По оценкам специалистов, если не будет соответствующего антиквара-искательского законодательства, то лет через десять страна полностью лишится бесценного археологического наследия.

Вооружение – особая область материальной культуры, которой присущи свои, зачастую интернациональные особенности. К таковым относятся активный технический прогресс, постоянная выработка новинок, направленных к тому, чтобы увеличить наступательные и оборонительные способности воина; незнающая преград быстрота распространения и единство форм оружия и снаряжения на огромных территориях; восприимчивость к наднациональным техническим заимствованиям; стремление к организации высококвалифицированного индивидуального и коллективного военного ремесла с целью производства наиболее передовых и в то же время долговечных образцов оружия. Далее выступают большая ценность боевых средств и желание заполучить их в виде покупки, подарка или трофея; особое отношение к предметам военной техники как наделенным высшей магической и религиозной силой и в связи с этим существование обычая потомственного наследования и бережного хранения шлемов, мечей, щитов и другого вооружения, приношение воинских вещей язычниками и пережиточно христианами в качестве загробного дара; наделение боевой экипировки частной или государственной эмблематикой, а лучше сказать гербами; нередкая прямая или опосредованная связь имеющегося арсенала с властью и состоянием общества, позволявшая бедным слоям, особенно в экстремальных ситуациях, пользоваться современным оружием. Всегда показательными являются количество и качество вооружения воина и войска, ибо это придавало уверенность в бою и положительно влияло на морально-психологическое состояние армии.

Прогресс вооружения нередко определял тактику боя и перевороты в способах его ведения. Исследование вооружения важно для понимания его собственного развития, изменения и распространения его форм, тактического использования, установления типологии и хронологии, связи с состоянием и эволюцией армии. В равной мере должно рассматриваться и обратное воздействие военного дела и боевой техники на основные сферы общественной жизни – социальную, политическую и экономическую.

Изучение оружия и военного дела позволяет судить не только о воинском оснащении индивидуального бойца, об экипировке родов войск различных, входящих в его состав социальных групп, но и о жизнедеятельности и безопасности народа, возможностях кузнечного ремесла, развития торговли, особенно дальней, восприимчивость к изобретениям ближних и далеких соседей.

Боевое использование оружия и войны обостряют конкурентоспособность противников, влияя на международные отношения, убыстряют совершенствование и введение новой техники, побуждают к внедрению новых материалов. Периоды эволюции сменялись скачкообразным развитием. Переломными периодами в истории древнерусского военного дела были IX–X века, когда на смену пешему бою выдвинулась конница с ее тяжелым и легким снаряжением, XII–XIII века ознаменовались утяжелением экипировки воина и использованием профессионально подготовленных конных и пеших лучников и копейщиков, дополненных пехотой, XIV–XV века отмечены внедрением огнестрельного оружия и созданием общерусской межобластной армии.

История военного дела эпохи Средневековья отмечена своими особенностями, нередко феноменального характера. Начиная с IX века в состав государственной армии входили от 6 до 14 разноэтничных контингентов. В сущности мы имеем дело со становлением федеративной армии. Позднее, в XIV веке, эта воинская сила преобразовалась в общерусское междукняжеское войско, что обеспечило победу на Куликовом поле в 1380 году. В этой битве сражались полки из 36 городов. Можно смело сказать, что в тот период военная необходимость опередила политические потребности Руси в ее объединении под единым руководством. Стоит также вспомнить необычную для своего времени доктрину князя Александра Невского, который, словами его Жития, призвал «жити... не преступая в чужие части». Здесь впервые в истории России высказано опередившее свою эпоху правило о божественной нерушимости государственных границ.

В целом изучение вооружения и военного дела средневековой Руси и ее соседей необычайно многозначно и плодотворно. Здесь открывается волнующая сфера борьбы, сражений, побед и поражений, предстают порой судьбоносные действия людей в отношении преданности своей стране, вождю и товарищам, ярко проявляется способность выстоять и проявить храбрость и героизм.

Международный опыт убеждает, что в общественном смысле военная археология опрокинула прежние ее «спокойные» оценки. Эта дисциплина вышла за пределы кабинетов ученых и коллекционеров и проникает в досуг и образование рядового человека. В Европе, особенно после Второй мировой войны, появились особые общества, институты, музеи, множество специализированных, в том числе и периодических изданий. Изучением и рассмотрением старинного воинского снаряжения интересуется все больше людей, вовсе не специалистов. Здесь только нельзя

переступать порог дозволенности и путать государственную принадлежность памятников с частной коммерцией.

Перед нами крупное историческое явление, которому присущи бурные технические преобразования, острые военно-политические конфликты, борьба народов, катастрофы и победы, неувядаемое мастерство оружейников – все это способно захватить огромную аудиторию. Обо всем этом шла речь на Международной научно-практической конференции «Военное дело России и ее соседей в прошлом, настоящем и будущем», которая по распоряжению Президента Российской Федерации была успешно проведена 29–31 марта 2005 года в Санкт-Петербурге и ознаменовалась выступлениями более 145 участников. Для того чтобы действенными стали результаты конференции, были внесены следующие предложения. Они были обсуждены и приняты на заседании секции упомянутой конференции «Военное дело России и ее соседей в эпоху средневековья IX–XVII вв.», собравшей до 50 участников, из которых 20 выступали с докладами. Внесенные предложения имеют конкретный смысл и соответствуют задачам и целям конференции.

Перейдем к их изложению.

1. Предлагалось с учетом позитивных результатов состоявшейся конференции регулярно раз в 2–3 года проводить ее при совместной организации со стороны Минобороны и Российской Академии наук (далее – РАН).

2. Предлагалось образовать с паритетным участием Минобороны и РАН постоянно действующий международный комитет по научному изучению военного дела России и ее соседей. Такой комитет осуществляет на международном уровне научные проекты, подготавливает концепцию новых конференций и симпозиумов по актуальным вопросам военной и военно-исторической науки, планирует тематику научных разработок, поддерживает контакты с представителями зарубежных стран.

3. К Правительству РФ обращалась просьба о финансовой поддержке на грантовой основе военно-исторических клубов и объединений по воссозданию старинного вооружения, тактики боя, реконструкции исторического фехтования, турниров и единоборств.

4. Пришло время, основываясь на исторической традиции, восстановить гвардейские части в системе вооруженных сил России.

5. Высказывалась инициатива по созданию общенародного и общероссийского памятника «Гражданам вечной России от благодарной Родины».

6. Высказывалась рекомендация Правительству РФ о скорейшем принятии законодательных мер против разграбления так называемыми черными археологами историко-археологических памятников и торговли найденными ценностями, в том числе и оружейными раритетами.

Жаль, если высказанные предложения останутся на бумаге.

- 
- <sup>1</sup> В 1918 году В. В. Арендт был арестован ВЧК в Москве на две недели, в 1925 году в Москве – на 12 дней, в 1935 году задержан НКВД в Ленинграде на два часа. Что касалось последнего ареста в 1937 году, то он произошел в условиях массового террора и истерической охоты за людьми, когда, как известно, за одно неосторожно сказанное слово вели на эшафот. Так случилось и с В. В. Арендтом. В нем заподозрили «замаскированного» врага советской власти. К тому же по своему социальному происхождению Арендт, несомненно, рассматривался властями как классово чуждый элемент. Археологи старшего поколения говорили мне, что Всеволод Викторович выглядел как «породистый дворянин». К сожалению, мне не удалось отыскать его фотографии.
- <sup>2</sup> Сравни: *Киричников А. Н.* Допрос с пристрастием : Судьба историка оружия Всеволода Арендта // ΣΥΣΣΙΤΙΑ : Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2000. С. 399 (там подробные сноски).
- <sup>3</sup> В серии «Свод археологических источников» и отдельно опубликованы: *Киричников А. Н.* Древнерусское оружие. М. ; Л., 1966. Вып. 1 : Мечи и сабли IX–XIII вв.; *Он же.* Древнерусское оружие. М. ; Л., 1966. Вып. 2 : Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв.; *Он же.* Древнерусское оружие. Л., 1971. Вып. 3 : Доспех, комплекс боевых средств IX–XIII вв.; *Он же.* Снаряжение всадника и верхового коня. Л., 1973; *Он же.* Военное дело Руси XIII–XV вв. Л., 1976.



Редактор *А. А. Золотова*

Верстка: *В. В. Крайнева*

Подписано в печать 16.11.2016

Заказ 88. Тираж 100 экз.

Отпечатано в Государственном Эрмитаже  
190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34